

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРПРЕТАТИВНЫХ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А.А. Осъмук

Новосибирский государственный
технический университет

osmuk@mail.ru

В статье выявляется эвристический потенциал субъективистских теорий в вопросе их применения к изучению социальной интеграции. Объясняется конвенциональная сущность социальной интеграции и место социальных конвенций в субъективистской модели социальной интеграции.

Ключевые слова: социальная интеграция, субъективизм, интерсубъективность, конвенции.

В последнее время субъективистские, интерпретативные, теории вполне могут состязаться с объективистскими в своей востребованности в социологии и более того – начинают опережать последние¹. Если для западной социологии использование субъективистских теорий – вопрос решенный (данные теории, равно как качественные методы исследования, популярны в европейской науке), то и отечественная социология (прежде всего отдельные социологические школы), обнаружив для себя эвристический потенциал интерпретативной парадигмы, все чаще обращается к ним.

Проблема социальной интеграции несколько «выпадает» из предметного поля субъективистских теорий, поскольку сама «социальная интеграция» традиционно служит основной дефиницией общества

как надперсонального явления. Однако ни одна социологическая теория не может обойти данный феномен и, соответственно, категорию «социальной интеграции» по той же самой причине: социальная интеграция – это реально присущая обществу, и, можно сказать, естественная его характеристика, игнорировать которую не удастся никому. Социальная интеграция есть атрибут надперсональной общности, а общество, как известно, и есть надперсональная общность. Тонкая грань между объективистскими и субъективистскими теориями в социологии существует хотя бы потому, что и те и другие ориентированы на эвристические модели. И в этом смысле субъективистские, интерпретативные теории вынуждены использовать категории и положения, заложенные классическим подходом. Однако предложенное интерпретативным подходом видение основных социологических категорий углубляет социальное знание и позволяет высветить онтологический аспект надперсональных феноменов.

¹ См.: Леденева А. Тенденции изменения концепции социальных наук: учеб. пособие // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.

Корни субъективистского понимания социальной интеграции следует искать в учении Аристотеля, для которого основой объединения людей в коллективные сообщества является дружба или, скорее, дружеское общение. Таким образом, социальная интеграция понимается как интеграция свободных индивидов посредством коммуникативного взаимодействия позитивного характера, а стабильное состояние общества (поддерживание интеграции) основывается на стабильных, неконфликтных и доверительных отношениях между индивидами. Внимание к дружбе и дружескому общению как ведущему фактору, интегрирующему людей в общности, отражено хотя бы в классификации дружеских отношений, включающей все сферы человеческой жизнедеятельности. Как результат, возникает образ некоего «пространства», наполненного межличностными дружескими контактами².

Принципиально важно отметить, что Аристотель рассматривает в качестве интегрирующего фактора именно позитивные взаимодействия. С точки зрения Ю.Н. Давыдова и его коллег, в переложении аристотелевских идей на современный социологический язык «состояние социальной связи определяется качеством образующих ее элементов, каждый из которых исчерпывающим образом прорефлектирован, а потому совершенно свободно включен в общение. В социологии такая степень осознания импульсов, мотивов и целей, влекущих индивида к установлению социального контакта, в рамках которого ни один его элемент не представляет уже чего-то чуждого, из положенного свободно его инициатором, называется «самореференцией».

² См.: Аристотель. Никомахова этика. Соч.: В 4 т. Т.4. – М.: Мысль, 1984.

Последняя выступает и как условие свободного (т. е. сознательного) выбора, предшествующего социальному действию, и как *условие социальности вообще*³.

Таким образом, введение субъективного фактора в модель социальной интеграции заставляет исследователей учитывать желания, потребности, мотивы и возможности субъектов, объединяющихся в общество. Декларирование же интенционального характера социальной интеграции расширяет представления об объединении социальных субъектов в надперсональные общности посредством взаимодействия, т. е. о социальной интеграции. Присутствующая в интеграции интенциональность имеет, соответственно, субъективистский характер, что, по большому счету, дает понимание об интеграции как некоем стремлении. Можно предположить, что последнее имеет как минимум две эманации: «стремление к» (целеустремленность) и «стремление через» (преодоление барьеров), что объясняет специфику такого процесса, как интеграция. Интеграция – это всегда стремление и преодоление.

В основу современного субъективистского подхода к социальной интеграции был положен гегелевский тезис о механизме обеспечения взаимного «признания» людьми друг друга. Именно взаимное «признание», если следовать логике понимающей и феноменологической социологии, обеспечивает социальный консенсус в обществе. Несмотря на то что интерпретативные подходы включают классический фактор в свое обоснование социальной интеграции, социальный консенсус не рас-

³ История теоретической социологии. От Платона до Канта (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе) / Под ред. Ю.Н. Давыдова и др. В 5 т. Т. 1. – М.: Наука, 1995. – С. 51.

считается здесь как «идеальное» состояние общества. Так, по М. Веберу, консенсус представляет собой объективно существующую вероятность того, что, несмотря на отсутствие предварительной договоренности, участники той или иной формы взаимодействия достигнут согласия. Следовательно, консенсус – своеобразный договор, но договор, основанный на всеобщем согласии принять существующие социальные нормы и/или ценности, он может быть рассмотрен как договор (конвенция) по поводу распределения ролей и вознаграждений внутри общности. С точки зрения М. Вебера, поведение, основанное на консенсусе, является условием более формальных типов социальной интеграции, обусловленных общественным договором, законами и т. д.

Для М. Вебера поведение, основанное на консенсусе, не исключает конфликта, борьбы интересов. Но стоит ли противопоставлять поведение, основанное на «согласии», поведению, основанному на договоре? Вероятно, без поведения, основанного на договоре, социальный консенсус невозможен, и это, как видится, более последовательная субъективистская позиция. При этом неразумно отрицать конфликт как форму взаимодействия, но если в обществе преобладает данная форма, то социальный консенсус будет страдать. В связи с этим возникает вопрос о возможности рассмотрения поведения, основанного на договоре (конвенции), как обязательного условия социального консенсуса и, соответственно, оснований социальной интеграции, которые сделали бы возможным социальный консенсус.

Анализ веберовского взгляда на конвенциональность в обществе позволяет утверждать, что граница между норматив-

ными и интерпретативными дефинициями у М. Вебера проходит между социальным консенсусом и социальным согласием. Если консенсус традиционно связан со всеобщностью, то определение «согласия» носит истинно интерпретативный характер: «Под “согласием” мы будем понимать следующее: действия, ориентированные на ожидания определенного поведения других, имеют вследствие этого эмпирически «значимый» шанс на то, что ожидания оправдываются, так как объективно существует вероятность того, что эти другие, несмотря на отсутствие какой-либо договоренности, практически отнесутся к таким ожиданиям, как к “значимым” по своему смыслу для их поведения»⁴. Таким образом, субъекты взаимодействия интерпретируют ожидания, формирующие согласие.

Отсюда социальная интеграция становится возможной благодаря этой способности социальных субъектов. В контексте веберовской теории действия выделяются «общностные» действия (действия одних индивидов, ориентированные по своему смыслу на действия других) и действия, непосредственно объединяющие в общество. К таковым относятся действия, по субъективно усредненно предполагаемому смыслу свидетельствующие о наличии «согласия»: «Обобщественно ориентированными...*действиями* мы будем называть общностно ориентированные действия в том случае (и в той мере), если они, во-первых, осмысленно ориентированы на ожидания, которые основаны на определенных установлениях, во-вторых, если эти установления «сформулированы» чисто рационально в соответствии с ожидаемыми в качестве следствия действиями обобщест-

⁴ Вебер М. Избранные произведения/ Макс Вебер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 526.

вленно ориентированных индивидов и, в-третьих, если смысловая ориентация индивидов субъективно целерациональна»⁵. И «общностные», и «обобществленные» действия конвенциональны по своей сути, но направлены на интеграцию различных по модальности общностей. Анализируя представленную схему социальной интеграции, необходимо отметить, что М. Вебер демонстрирует всю сложность феномена, заявляя о «беспрерывной шкале переходов», и фактически выявляет два уровня: «общностный» и «обобществленный».

Идея интеграции в общности связана в понимающей социологии с феноменом смысла, сопровождающего все человеческие действия и взаимодействия. Упростим тезис: люди объединяются только там и тогда, где и когда видят смысл в объединении и взаимодействии. Объединение индивидов в общности и в общество – это стремление к целерациональному характеру взаимодействий. Не случайно самым рациональным идеальным типом объединения в общество М. Вебер предлагает считать «целевой союз», т. е. «общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, целерационально принятыми всеми участниками на основе общего согласия»⁶. Таким образом, классик показывает всю сложность явления, которое вполне можно обозначить как «социальная конвенциональность».

Незаконченность «макросоциологического» подхода, заключающаяся в неразработанности субъективных характеристик социальной интеграции, была осознана феноменологической социологией, усилившей веберовскую концепцию объединения социальных субъектов в надперсональные

общности феноменологией Э. Гуссерля. Феноменологическая социология предложила новое, интерпретативное понимание консенсуса: для А. Шюца это присущее сознанию свойство интерсубъективности, формируемое через взаимопонимание индивидов, т. е. А. Шюц связывает консенсус и интерсубъективность, определяя первое в качестве атрибутивного свойства второго. Похоже, что интерсубъективность выступает аналогом социальной интеграции, однако из этого не следует, что указанные категории тождественны. Социальная интеграция мыслится как объединение социальных субъектов в надперсональные общности и имеет множество атрибутивных свойств. *Интерсубъективность* же – это признание того, что «другой» аналогично воспринимает социальную реальность и тоже имеет свой субъективный мир. В основе такого понимания лежат упоминаемая выше гегелевская концепция взаимного признания индивидами друг друга и идея Э. Гуссерля относительно взаимного же признания трансцендентных миров. Интерсубъективность лежит в основе совместного конструирования социального мира, т. е. той когнитивной сферы, которая выносится за скобки в объективистских моделях социальной интеграции. Другими словами, интерсубъективность может быть рассмотрена как методологическое основание субъективистской модели исследуемого феномена.

Интерсубъективность можно было бы назвать консенсусом сознаний большинства субъектов, составляющих общество. Из него выпадают только психически больные люди. Все остальные, включая девиантов, в той или иной мере включены в феноменологический консенсус. Итак, феноменологический консенсус – это консенсус

⁵ Там же, с. 511.

⁶ Там же, с. 515.

сознаний большинства, он возможен, поскольку *интерсубъективность заложена в самом субъекте*, последняя же интерпретируется как *специфическая структура человека, отвечающая факту индивидуальной множественности и выступающая основой общности субъектов*. Важно отметить, что признанию мира «другого» предшествует акт восприятия этого мира, и даже в случае «признания» восприятие далеко не в каждом случае будет носить позитивный характер. Влияет ли создание позитивного образа мира «другого» на состояние феноменологического консенсуса? Видимо, в первую очередь позитивные образы влияют на взаимодействие социальных субъектов и возможность установления взаимосвязей, а лишь затем на феноменологический консенсус, ибо последний есть состояние коллективного сознания.

А. Шюц считал проблему интерсубъективности основной проблемой социологии, для него это вопрос понимания субъективного смысла социального действия взаимодействующими субъектами. Сама интерсубъективность выступает в качестве средства конструирования интерсубъективного мира и в качестве его результата. Таким образом, трансформированная до неузнаваемости проблема социальной интеграции вполне естественно переходит в проблему интерсубъективного социального мира. Интегрируясь в общности и в общество, люди создают социальный мир, критерием которого становится сама же социальная интеграция. При этом интерсубъективность не является абсолютным эквивалентом социальной интеграции, но ее можно рассматривать в качестве субъективного аспекта последней.

Анализируя феноменологическую концепцию интерсубъективности, Х. Абельс отмечает, что «интерсубъективность обу-

словлена не только совместной жизнью с другими людьми, но и тем, что мы сами постоянно создаем предпосылки совместной жизни и подтверждаем их в социальном взаимодействии»⁷. Действительно, люди, взаимодействуя в реальном мире и признавая субъективное восприятие «других», в процессе обмена собственным субъективным опытом формируют феномены, приобретающие интерсубъективный характер. Эти феномены имеют субъективный смысл для всех своих создателей, если последние об этом «договорились». К таковым в первую очередь относятся язык, система символов и ритуалов, система норм и ценностей, история. Таким образом, люди постоянно заботятся о конвенциональности, а точнее можно было бы сказать – о конвенциональных основаниях, которые позволяют им создавать надперсональные общности. Однако в реальной социальной практике данные интерсубъективные феномены не имеют абсолютного характера, хотя бы потому, что всегда найдутся девианты и нонконформисты, не придерживающиеся существующих норм и ритуалов, или же люди не знающие языка и истории. Отсюда социальная конвенциональность существует, но не факт, что все индивиды будут придерживаться сформированных социальных конвенций.

П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что человек рождается с предрасположенностью к социальности и поэтому начинает свой путь с интернализации реальности. Это подтверждает тезис о том, что жизненный мир воспринимается как общий с другими людьми. Действительно, трудно не согласиться с тем, что «в жизненном мире

⁷ Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Хайнц Абельс; пер.с нем. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 84.

люди знают, что они существуют друг для друга и имеют значение друг для друга»⁸. Видимо, интересубъективность не имеет смысла без интернализации. Можно предположить, что интересубъективность может иметь несколько уровней (или структур):

- принятие интернализированной реальности, подготавливающее субъекта к интересубъективной деятельности;
- когнитивное интересубъективное конструирование через выстраивание собственного мира и интерпретацию социального мира друг друга;
- практическое интересубъективное конструирование объективной реальности через действия и взаимодействия.

Существование первого уровня принятия интернализированной реальности дает возможность предположить, что многие уже сложившиеся конвенциональные нормы, ценности, ритуалы и прочее принимаются как таковые, т. е. индивид присоединяется к социальным конвенциям, существующим достаточно длительное время. Этапы этого принятия – есть этапы морального созревания личности, они описаны у К.О. Апеля, С. Гиллигана, В. Дэймона, Л. Кольберга, Дж. Мэрфи, Р. Селмана, Ю. Хабермаса, Н. Хаана и других.

На втором уровне когнитивное конструирование собственного мира и интерпретация мира «другого» дают возможность интериоризировать и экстериоризировать конвенциональные значения и смыслы; конвенциональность социальных миров дает возможность проникнуть в мир «другого», понять его.

И, наконец, третий уровень демонстрирует, как социальные субъекты объединяются через взаимодействия, конструируя социальную действительность; конвенци-

ональность на данном уровне проявляется через коммуникацию. Чтобы объединиться, необходимо установить более-менее устойчивую связь.

Следовательно, в соответствии с феноменологическим подходом каждый субъект объединения – это личность, которая конструирует собственный трансцендентный мир, поэтому можно предположить, что так называемая социальная конвенция касается не только содержания взаимодействия, но распространяется на взаимодействие между субъективными мирами. Если каждый индивид создает свой субъективный мир и свое социокультурное пространство, то в ситуации социальной интеграции эти плюралистичные миры и пространства должны пересекаться. Чтобы данное пересечение стало возможным, необходимы конвенциональные основания: видимо, в мире «другого» субъект должен увидеть то, что ему уже знакомо, и то, что уже имеет конвенциональный смысл, или же должно быть создано такое общее, интересубъективное пространство, которое появляется в результате целой «серии соглашений».

Становится понятным, что двигаться далее по пути обоснования интерпретативной модели социальной интеграции в принципе невозможно без привлечения социолингвистических и коммуникативных теорий. В лингвистических теориях, кстати, существует понятие, аналогичное понятию «конвенциональное пространство» – «конвенциональная среда». Конвенция в языковых практиках является инструментом для социальных конвенций. Социологическое понимание конвенций и конвенционального поведения шире, глобальнее, чем лингвистическое, однако то, что в последнее время лингвистический анализ используется в социологии, позволяет до-

⁸ Там же, с. 85.

полнить и сделать более конкретной интерпретативную модель социальной интеграции. Наиболее перспективными в плане конструирования теоретической модели социальной интеграции являются коммуникативные теории.

Не случайно Ю. Хабермас обращается к проблеме конвенционального действия. Он, так же как и М. Вебер, отмечает все разнообразие взаимодействий, которые могут быть как кооперативными и стабильными, так и конфликтными и нестабильными. Но, с нашей точки зрения, важно то, что выделение *стратегической модели* взаимодействия и *модели действия, ориентированного на достижение взаимопонимания*, дает возможность акцентировать внимание на том, как достигается согласие во взаимодействии, и на значении конвенционального действия: «Координация действий субъектов, которые, таким образом, обращаются друг с другом *стратегически*, зависит от того, насколько эгоцентрический подсчет собственной выгоды уравнивается подсчетом выгоды с противной стороны. Тогда степень кооперации и стабильности зависит от удовлетворения интересов участников взаимодействия. В противоположность этому я говорю о *коммуникативном* действии, когда актеры идут на то, чтобы внутренне согласовывать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии *согласия* относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нем еще только предстоит договориться»⁹.

Для Ю. Хабермаса взаимопонимание выступает в качестве механизма координации действий и достижения согласия, с его

точки зрения, согласие никак нельзя навязать другой стороне, манипулируя и принуждая ее. Между тем в процессе взросления социальный субъект обучается конвенциональным действиям, которые вне сомнения способствуют достижению согласия. Ссылаясь на Р. Селмана, В. Дэймона, Л. Кольберга, Ю. Хабермас демонстрирует, как ребенок, взрослея, изменяет свои стратегии разрешения конфликтных ситуаций и как формируются навыки конвенциональной интеракции и такого коммуникативного действия, в котором достигается согласие сторон. В процессе эволюции формирования навыков конвенциональных действий выделяются три ступени (этапа) интеракции: 1) преконвенциональный (склонность к конвенциональному действию и первоначальные навыки), включающий управляемую авторитетом интеракцию и управляемое интересами сотрудничество; 2) конвенциональный (склонность замещается обязанностью), в который входит ролевое действие и руководство нормами; 3) постконвенциональный (ориентация на идеал и принципы справедливости), формируемый в контексте дискурса. Таким образом, в концепции конвенциональной интеракции Ю. Хабермаса, Л. Кольберга и других авторов конвенциональность, а точнее, конвенциональное действие, рассматривается достаточно узко, в смысле следования конвенциональным нормам, поэтому «освобождение» от конвенциональных норм, происходящее на постконвенциональном этапе, свидетельствует о качественно новом моральном уровне развития личности.

Несмотря на такое узкое понимание конвенционального взаимодействия, концепция коммуникативного действия Ю. Хабермаса утверждает нас в мысли, что конвенциональное требует самого тщательно-

⁹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001. – С. 200.

го изучения, тогда как теоретическая социология не только не имеет целостной картины относительно этого явления, но и вопрос об этом до сих пор в полной мере не поставлен в социальных науках. Между тем обращение к социальной конвенциональности и социальным конвенциям как формам интегративного поведения представляется перспективным для развития нового взгляда на, казалось бы, закрытую тему.

С точки зрения Р. Дарендорфа, теории интеграции разработаны настолько хорошо, что могут служить образцом для конструирования по аналогии теорий конфликтов. Однако, предыдущий анализ показал, что теория интеграции расширяется в рамках интерпретативной парадигмы за счет идеи конвенциональности. Что же касается социальных конфликтов, то если мы оцениваем их как конструктивные, если верно то, что конфликтом можно управлять, в этом случае конфликт вполне может быть включен в социальную интеграцию. Будучи по своей сущности взаимодействием, конфликт вполне логично противо-

поставляется социальной конвенции как специфической форме взаимодействия через договор.

Литература

Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Хайнц Абельс; пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 1999. – 272 с.

Аристотель. Никомахова этика / Соч.: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984.

Вебер М. Избранные произведения / Макс Вебер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

История теоретической социологии. От Платона до Канта (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе) / Под ред. Ю.Н. Давыдова и др. В 5 т. Т. 1. – М.: Наука, 1995. – 270 с.

Леденева А. Тенденции изменения концепции социальных наук: учеб. пособие // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.